

Дело о «панисламистской повстанческой организации» в Средней Азии 1940 г.

Юлия Гусева, Жанна Бегасилова

The case of the «Pan-Islamic insurgent organization» in Central Asia, 1940

*Julia Guseva (Samara branch of Moscow City University, Russia),
Zhanna Begasilova (Abai Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan)*

Репрессии 1930-х гг. в СССР постоянно находятся в поле зрения академического сообщества ввиду масштабов своего влияния на дальнейшую судьбу национальных республик и российского социума в целом. Бесспорно, одной из актуальных остаётся проблема изучения воздействия религиозного и национального факторов (и их совокупности) на динамику репрессивных процессов и характер государственно-конфессиональных отношений.

Данная статья посвящена следственному делу № 035 с эффектным названием «Цепь Корана», где речь идёт о «панисламизме», который устрасал (и продолжает держать в напряжении) людей, малознакомых с тенденциями и спецификой развития исламского мира Российской империи и Советского Союза. Цель исследования — на основе ранее не известных документов показать, как работники НКВД СССР «весьма умело» использовали фактор «панисламистской» угрозы для достижения целей, мало связанных с универсалистской идеологией политического объединения всех мусульман, а также механизм возникновения и разрастания соответствующих управленческих фобий и особенности влияния «мусульманского» фактора на советскую репрессивную политику.

Обнаруженные в ведомственных и региональных архивах бывших республик Советского Союза материалы позволили ввести в научный оборот уникальные, связанные с историей репрессий среди советского мусульманского населения сведения, которые корректируют устоявшиеся представления о характере, масштабах и хронологических рамках этих событий. Ведь в большинстве исследований по данной тематике¹, в том числе и освещающих преследования мусульман

© 2018 г. Ю.Н. Гусева, Ж.А. Бегасилова

¹ О репрессиях в Средней Азии см.: История органов безопасности Казахстана. Кн. 1. Алматы, 2003; Койгелдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алматы, 2009; Красный террор: политическая история Казахстана: Сборник документальных материалов политических репрессий 20–50-х годов XX века / Под ред. М.К. Койгелдиева. Алматы, 2008; Христофоров В.С. «В целях изоляции Алихана Букейханова от казахского населения выслать его в Москву» (по материалам ЦА ФСБ России) // Российская история. 2017. № 4. С. 63–74; Pianciola N. Interpreting an Insurgency in Soviet Kazakhstan: The OGPU, Islam and Qazaq «Clans» in Suzak, 1930 // Islam, Society and States across the Qazaq Steppe (18th — early 20th centuries) / Eds. N. Pianciola, P. Sartori. Wien, 2013. P. 297–340; О репрессиях православного духовенства см.: Святые новомученики и исповедники, в земле Казахстанской просиявшие. Книга-альбом / Авт.-сост. Л.А. Головкова, В.В. Королёва, О.И. Хайлова. М., 2008; Курманов З.К. Политическая борьба в Кыргызстане, 20-е годы / Отв. ред. В.М. Плоских. Бишкек, 1997; Батырбаева Ш.Д. Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении. М., 2010; Репрессия. 1937–1938 годы. Документы и материалы. Вып. 1. Ташкент, 2005; Репрессия. 1937–1938 гг. Документы и материалы / Сост. Р.Т. Шамсутдинов, М. Абдуллаев, Э.П. Дусматов, Х.Р. Курбанов. Вып. 3. Ташкент, 2008.

в Волго-Уральском регионе и на Северном Кавказе², 1937–1938 гг. указаны как пиковый период работы репрессивного механизма в масштабах всего СССР. Тем большую научную ценность имеют новые факты и архивные источники, в частности, устанавливающие логические и фактические связи между репрессиями мулл и верующих в различных «мусульманских» регионах страны.

Выявленные нами в ведомственном архиве Комитета национальной безопасности Республики Казахстан докладная записка «О ходе агентурно-оперативной и следственной работы по делу “Цепь Корана”»³ и «Обвинительное заключение по делу участников повстанческих панисламистских организаций»⁴ — фактически две части дела о «крупной панисламистской повстанческой организации на территории среднеазиатских республик» «Цепь Корана»⁵. Кроме того, в статье использованы некоторые материалы Восточного отдела (ВО) ГПУ (ОГПУ)⁶, отражающие специфику «восточной» внутренней политики Советского государства в 1920-х гг.

При этом следует обратить внимание на два существенных момента. Во-первых, налицо одно из крупнейших по количеству подозреваемых и масштабу обвинений «мусульманское» дело о де-факто международном «заговоре» мусульман, «ниточки» которого вели в Москву, Уфу, Тегеран, Стамбул и Кабул. Более 350 подозреваемых в Казахстане, Туркмении, Узбекистане и Таджикистане и за рубежом оказались «скованы» «Цепью Корана», но, как показали наши изыскания, информации о нём (даже на уровне констатации) нет ни в советской и современной литературе, ни в публикациях документов, ни в картотеках и базах данных о репрессированных в СССР. Об этом деле не содержится никаких упоминаний и в материалах спецхрана ГА РФ⁷, и в обстоятельных, подготовленных на основе документов информационно-аналитических справках, написанных специалистами архивного дела в 1944 г. по вопросам пантюркизма и панисламизма в Средней Азии⁸. И почти во всех этих источниках констатируется, что

² О разных аспектах этой проблемы см.: Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.). Махачкала, 2009; *Набиев Р.А.* Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002; *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999; и др.

³ Архив Департамента Комитета национальной безопасности по г. Алматы (далее — Архив ДКНБ РК по г. Алматы), оп. 1, д. 702. Архивное дело состоит из двух частей: аналитическая (пояснительная записка) и 29 протоколов допросов и очных ставок десяти обвиняемых. Каждая из частей (готовились разными работниками НКВД Казахстана) имеет отдельную порядковую нумерацию; при итоговой подготовке в октябре 1940 г. они были объединены в единое дело (при ссылке на вторую, допросную, часть архивного дела указан порядковый номер страницы этой части, в скобках — сквозной, общий для всего дела).

⁴ Там же, д. 703.

⁵ Хотя не доступна третья часть документов — восемь томов с протоколами допросов всех обвиняемых, — выявленные нами материалы дают исчерпывающую картину происшедшего.

⁶ Подробнее о его создании, основных функциях и направлениях работы см.: *Христофоров В.С.* Документы Центрального архива ФСБ России по истории Афганистана 1920–1930 годов // Восточный архив. 2010. № 1(21). С. 69–75.

⁷ См.: ГА РФ, ф. Р-5325.

⁸ Там же, оп. 4, д. 117. Историческая справка под грифом «Совершенно секретно» «Панисламистское и пантюркистское движение в Средней Азии» была составлена 15 августа 1944 г. в Ташкенте и подписана начальником Центрального государственного архива Октябрьской революции УзССР Л.М. Ландой (Там же), а справка «Панисламистско-пантюркистское движение в Средней Азии и Таджикистане» — 18 июля 1944 г. в Душанбе (Сталинабаде) и завизирована начальником отдела государственных архивов НКВД Таджикской ССР лейтенантом госбезопасности Д. Фаньяном (Там же, д. 107). Оба документа введены в научный оборот впервые.

с панисламистским движением «было покончено» в 1937 г.⁹ Во-вторых, любопытна датировка этого дела — 1940 г., хотя наиболее активный период работы репрессивного механизма в масштабах всего СССР — 1937–1938 гг.

Каковы же обстоятельства этого во многом типичного и по-своему уникального дела? 14 октября 1940 г. на имя первого секретаря Центрального комитета Коммунистической партии большевиков Казахской ССР Н.А. Скворцова был доставлен пакет. В сопроводительной записке, напечатанной на стандартном бланке НКВД республики и завизированной наркомом внутренних дел республики, майором государственной безопасности А.Н. Бабкиным¹⁰, значилось: «Препровождаю для ознакомления записку и последние материалы по ликвидируемой панисламистской повстанческой организации. Прошу по ознакомлении вернуть»¹¹.

Как следует из докладной записки «О ходе агентурно-оперативной и следственной работы...»¹², 20 июня 1940 г. действительно произошло слияние различных агентурных дел по Казахстану «в результате объединения ряда ранее существовавших агентурных разработок» — по УНКВД Южно-Казахстанской и Актюбинской областей. Сотрудники данных структур «перепроверили» материалы, что «позволило выявить организаторов панисламистского подполья, его связи и более глубоко проникнуть в повстанческие замыслы»¹³.

Отправной точкой в раскрытии дела стало задержание («негласное изъятие») одного из участников оперативного дела «Табынец», который «был изобличён и дал развёрнутое показание об организации, её связях, характере деятельности, руководящем составе и своей роли в организации, подтвердив в основном агентурные материалы»¹⁴.

Поразительна и, увы, типична схема работы работников НКВД Казахстана по сбору доказательств: «ликвидацию этого дела» произвели на основе изучения оперативных материалов, которые «в ходе ликвидации полностью затем подтверждены были следствием», т.е. доказательства обнаружили в процессе следствия, а оно опиралось на конструкторы, заложенные работниками НКВД в соответствующие разработки. Следующая ремарка также выдаёт «с головой» механизм создания дела: «Несознавшаяся часть относится к числу последних

⁹ Например: «Эти изменники родины во главе с бывшими руководителями Таджикской республики, до конца остававшиеся верными панисламистско-пантюкистским идеям, были разоблачены советской разведкой и уничтожены в 1937–38 гг.» (Там же, д. 117, л. 51).

¹⁰ Бабкин Алексей Никитич (1906–1950) — нарком НКВД Казахской ССР с 10 октября 1940 г. по 26 февраля 1941 г. Следовательно, материалы были переданы в ЦК Казахстана уже на третий день после его вступления в должность. При этом в сопровождающей докладной записке имеется пометка: «По состоянию на 1 октября 1940 г.». Таким образом, оперативной разработкой и координацией руководил его предшественник — С.Н. Бурдаков, занимавший эту должность с января 1939 г. по октябрь 1940 г. Поскольку «начало» дела относят к 1918 г., то материалы для агентурных дел, из которых «ковалась» «Цепь Корана», накапливались фактически с момента становления системы контрразведки в регионе. В настоящий момент сложно сказать, кто именно составлял текст докладной записки, но, очевидно, автором был работник НКВД Казахстана.

¹¹ Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 1, д. 702, л. 1.

¹² Пояснительная записка подписана А.Н. Бабкиным, но с учётом даты его назначения на должность (10 октября) и датировки документа (13 октября) можно усомниться в её принадлежности перу наркома. Сегодня сложно сказать, кто автор данного документа.

¹³ Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 1, д. 702, л. 2.

¹⁴ Там же, л. 3.

арестов»¹⁵. Местные работники госбезопасности явно не собирались останавливаться на достигнутом¹⁶.

В ходе «разработки» было установлено «наличие организованной антисоветской и шпионской деятельности панисламистов, линии контрреволюционных связей в Казахстане на Узбекистан, Таджикистан, Туркмению и за кордон — Иран и Афганистан. Выявлены были связники и эмиссары (два человека. — *Авт.*), перебрасывавшиеся из-за кордона, а также “ходаки” (так в источнике. — *Авт.*) из Казахстана за кордон»¹⁷.

Что же касается масштаба дела, то «к моменту ликвидации по агентурному делу проходило 242 выявленных и учтённых участников панисламистских формирований»¹⁸ (234 подозреваемых жили на территории СССР, восемь являлись выходцами из среднеазиатских республик и были обозначены как представители эмигрантских центров в Иране и Афганистане)¹⁹. По данным казахстанских контрразведчиков, «Цепь Корана» «опутала» мусульман РСФСР (в лице лидеров муфтията, уфимского Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ), жителей Уфы и Орска), Казахстана, Туркмении, Таджикистана, Узбекистана, а также их единоверцев в Иране и Афганистане. Наибольшее число «панисламистов» «обнаружилось» в Южно-Казахстанской (119 человек) и Актюбинской областях (68) Казахской ССР.

М. Койгелдиев справедливо указывает на 1937–1938 гг. как на апогей репрессий в Казахстане: узловым стало дело о панисламистской повстанческой шпионско-диверсионной организации (с центром в Ташкенте), действовавшей на территории Южного Казахстана и в Узбекистане. Она, в глазах следователей, претендовала на роль объединяющей для всей Средней Азии, и соответствующее дело тоже складывалось из нескольких агентурных разработок²⁰. Интересно, что именно материалы по Южному Казахстану легли в основу единого дела «Цепь Корана», «объединившего» республики Средней Азии и РСФСР. Следовательно, южно-казахстанский сюжет 1937–1938 гг. был лишь началом большой репрессивной «волны», достигнувшей своего пика в 1940 г. О принципиальной схожести многих пунктов обвинения и специфических чертах рассматриваемого дела см. таблицу.

В обвинительном заключении по следственному делу № 035 читаем: «Органами Наркомвнудел Казахской ССР в июне 1940 года на территории Южно-Казахстанской, Актюбинской и Гурьевской областей были вскрыты и оперативно ликвидированы активно действовавшие повстанческие панисламистские организации, возглавляемые и руководимые повстанческо-басмаческими и панисламистскими авторитетами — агентами японской и турецкой разведок (имелись в виду члены ЦДУМ М. Магкулов и К. Тарджиманов. — *Авт.*)»²¹; «повстанческие

¹⁵ Там же, л. 2.

¹⁶ «На руководящий актив организации в Казахстане, стянутый из областей в Наркомат, следствие заканчиваем и в ближайшие дни передаём на рассмотрение трибунала. Следствие по остальным арестованным продолжаем с задачей наиболее полно выявить и изобличить, и изъять состав других участников организации, их практическую антисоветскую деятельность. В Актюбинскую, Южно-Казахстанскую и Гурьевскую области для помощи в агентурно-следственной работе командированы из Наркомата оперативные группы» (Там же, л. 13).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 2.

¹⁹ Там же, л. 14.

²⁰ Койгелдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане... С. 256–311.

²¹ Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 1, д. 703, л. 1.

панисламистские организации, ставившие своей целью вооружённую борьбу с Советским государством и посредством этих организаций подготавливали вооружённое восстание казахского населения»²². Якобы участники, осведомлённые о неких планах стран Ближнего Востока по подготовке интервенции против СССР (под влиянием Англии и Франции), «добивались более регулярных связей с эмигрантами в Иране и Афганистане для установления контакта и согласования планов антисоветской работы»²³.

«Шпионская», «антисоветская», «крупная панисламистская мулльско-байская повстанческая» — вот перечень эпитетов, применявшихся в отношении «организации», и они, увы, во многом не оригинальны²⁴. Работники НКВД подчёркивали общую для всех подозреваемых групп установку на объединение мусульманских народов, именовавшуюся ими «панисламизм»: «Цель и задачи всех панисламистских формирований, вскрытых по делу “Цепь Корана”, были едины, в основном направленные к созданию единого мусульманского государства и восстановлению религиозных законов “Шариата”... Этого арестованные нами панисламисты добивались путём широкой антисоветской пропаганды в массах мусульманского населения и подготовки их к вооружённому восстанию под флагом “священной войны” против “кяфи́ров-большеви́ков”»²⁵.

Нелегко понять, что вкладывали советские контрразведчики в понятие «панисламизм». В изученных нами документах ВО ОГПУ 1920-х гг. и материалах дела эта дефиниция отсутствует²⁶. Чётко зафиксированных критериев не существовало: аналитики испытывали явное затруднение с разделением мусульманского духовенства и национальных лидеров по отношению к перспективам развития мусульманских народов. Религиозный лидер, выступавший за единение всей «мусульманской массы» страны, в глазах работников внутренней разведки априори попадал в категорию «панисламистов», а тот, кто настаивал на самоорганизации по национальному признаку, получал клеймо «националист, пантюрист». С учётом этого несложно понять, почему любые усилия по объединению

²² Там же, л. 37.

²³ Там же, д. 702, л. 10. Один из обвиняемых подозревался в подготовке диверсионного акта на алма-атинской нефтебазе: «Дал согласие в случае военных действий, т.е. войны СССР с капиталистическими странами, поджечь алма-атинскую нефтебазу» (Там же, л. 17). Весьма схожие «упрёки» содержались в деле о южно-казахских панисламистских организациях 1937–1938 гг. с той лишь разницей, что речь уже шла о Японии. В аналитических материалах деятельность в пользу зарубежных разведок одновременно означала и «подрывную» работу внутри страны, в том числе и в Среднеазиатском регионе: «Как показали процессы над врагами народа, прошедшие в 1937–1938 гг., панисламистско-пантюристские деятели Средней Азии были тесно связаны с троцкистско-бухаринской бандой изменников родины и вместе с ней явились прямой находкой для агентуры враждебных Советскому Союзу империалистических держав и, прежде всего, фашистской Германии» (ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 4, д. 117, л. 35).

²⁴ В современных работах коллег из Татарстана, Казахстана и Узбекистана имеются развёрнутые данные о фабрикации череды «антисоветских заговоров» 1930-х гг. в национальных республиках (*Койгелдиев М.К.* Сталинизм и репрессии в Казахстане...; *Миннуллин И.Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане, 1920–1930-е гг. Казань, 2006; *Шамсутдинов Р.Т.* Репрессивная политика советской власти в Узбекистане и её последствия. Кн. 1. Ташкент, 2012; и др.).

²⁵ Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 1, д. 702, л. 9.

²⁶ Лишь историческая справка 1944 г. «Панисламистско-пантюристское движение в Средней Азии и Таджикистане» содержала весьма спорную трактовку этого явления: «Панисламизм выдвигает на первый план объединение всех мусульман под знаменем защиты ислама, не отрицая в то же время руководящей роли Турции в их государственном объединении» (ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 4, д. 107, л. 1).

Сравнительные данные о делах «панисламистских» организаций в республиках Средней Азии 1937–1940 гг.

Характеристики	Дело по Южному Казахстану и Узбекистану 1937–1938 гг.	«Цепь Корана» 1940 г.
Характер обвинений	«Антисоветская панисламистская террористическо-повстанческая и шпионско-диверсионная организация»	«Крупная панисламистская повстанческая организация на территории среднеазиатских республик»
Лидеры	Юсупхан Умартуряев*, ** Алькен Джангирходжаев	Участники прежних «панисламистских организаций» в Казахской ССР
Цель	Свержение советской власти; вооружённое отторжение мусульманских народностей от СССР; создание всемирного мусульманского буржуазного государства под протекторатом Японии; создание «независимого панисламистского государства из народностей Средней Азии и Казахстана»	Создание самостоятельного государства, основанного на принципах шариата во главе с мусульманским духовенством при вооружённой помощи «капиталистических мусульманских государств против кяфилов-большевиков и советской власти»
Методы	Вооружённое восстание, приуроченное к моменту военной интервенции против СССР; повстанчество; индивидуальный террор; диверсия; шпионаж с использованием для контрреволюционной работы религиозных предрассудков населения	Пропаганда массовой эмиграции казахов в Иран; переброска эмиссаров из-за рубежа в Казахстан; создание ячеек на местах; поддержка связей с эмигрантскими центрами за рубежом; подготовка к вооружённому восстанию под флагом «священной войны» против «кяфилов-большевиков»; подготовка диверсионного акта на нефтебазе в Алма-Ате
География филиалов	Южный Казахстан, Узбекистан	Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, РСФСР
Социальный статус участников	Муллы, ишаны (суфийские шейхи), баи (состоятельные люди, представители среднеазиатской элиты)	
Наличие зарубежного фактора	Связь с разведкой Японии	Связь с разведками Великобритании, Франции, Турции, Ирана, Аравии; ожидание вооружённой помощи с их стороны

Связи с эмигрантами	Мустафа Чокаев (Франция), Талгат Бек (Турция), Алимхан — бывший бухарский эмир (Афганистан), Саул Абдул Гази Шами-хазрет, Ак-Ишан (Саудовская Аравия), Сейдханов Мубаширхан, Тайталиев Кожамед, Токумхамед-ахун (Афганистан), Ишанханов Алтыхан (Индия)	Матчанов, Рзабековы, Джубанов, Есенбаев (Иран), Такмагамбет, Есен, Кошан (Афганистан)
Влияние ЦДУМ	Связь с «японскими агентами» в СССР — членами ЦДУМ: Магди Магулов ^{***} , Кашаф Тарджиманов ^{****}	Связь с «турецкими агентами» в СССР — членами ЦДУМ (Магди Магулов, Кашаф Тарджиманов)
Количество обвиняемых (человек)	Южный Казахстан — 231; Узбекистан — 36. Всего: 267	Казахстан: Южноказахская обл. — 119, Актюбинская — 72, Гурьевская — 12, Чкаловская ^{*****} — 25; Туркмения — 4; Узбекистан — 3; Таджикистан — 2. Всего: 237

Составлено по: Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 1, д. 702, 703; ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 4, д. 117; *Koйгелдиев М.К.* Сталинизм и репрессии в Казахстане...

* Умартгоряев Юсупхан (1878—1937) — уроженец кишлака Карабулак Сайрамского района Южноказахстанской обл., узбек, беспартийный, на момент ареста без определенных занятий и жительства, крупный религиозный авторитет — ишан (суфийский шейх). Согласно материалам обвинительного заключения, был вовлечён в «названную организацию» белоэмигрантом М. Чокаевым в 1917 г., английскими агентами Ак-ишаном, Шами-Хазретом в 1923 г. и М. Сейдхановым в 1929 г. Расстрелян. Данных о реабилитации нет.

** Джантирхожаев Алькен (1873—1937) — уроженец аула Баба-ата Сузакского района Южно-Казахстанской обл., казах, беспартийный, крупный религиозный авторитет — ишан; происходил из семьи мусульманского духовенства; на момент ареста 9 октября 1937 г. без определённого места жительства, с 1929 г. находился в бегах от уголовного преследования. Расстрелян. Данных о реабилитации нет.

*** Магулов Магди — кази (судья) ЦДУМ, член делегации Мекканского конгресса (1926) от духовенства г. Петропавловска.

**** Тарджиманов Кашаф (Кашафутдин) — заместитель муфтия ЦДУМ, в апреле 1936 г., после смерти муфтия Р. Фахретдинова, претендовал на пост муфтия; в мае 1936 г. арестован; проходил как основной фигурант по «Делу ЦДУМ» (1936—1938) — «крупной контрреволюционной иностранной диверсионной группы» на территории СССР. Обвинялся в связях с японской и турецкой разведками; содержался в тюрьме Уфы. Дальнейшая его судьба неизвестна. Предположительно умер в тюрьме в начале 1940-х гг. (данные предоставлены проф. А.Б. Юнусовой).

***** Чкаловская обл. — наименование Оренбургской обл. в 1938—1957 гг.

общественных организаций из представителей так называемых мусульманских народов были обречены на жёсткий прессинг со стороны властных структур.

Всей деятельности уфимского ЦДУМ (и в 1920-е гг. направленной на поддержание и расширение сфер своего влияния в СССР и за рубежом) был приклеен ярлык «панисламистская»²⁷, а его лидеров как «антисоветчиков» и «шпионов» репрессировали в 1936–1938 гг.²⁸ В усилиях по объединению мусульманских организаций на просторах СССР уфимский муфтият в 1920-х гг. выстраивал линию на включение духовных управлений и их лидеров (в том числе и среднеазиатских) в орбиту своего влияния. В частности, в 1926 г. в Казахстане производились сборы с населения в пользу делегатов на всесоюзный съезд духовенства, проходивший в Уфе²⁹, а в составе ЦДУМ имелся специальный «казахский» отдел³⁰. Всё это подтверждает курс на объединение усилий обеих сторон, их взаимный интерес, но не даёт оснований подозревать их в антигосударственной деятельности.

Важно обратить внимание на длительность и подготовленность процесса над предполагаемыми участниками «Цепи Корана». Первая партия подозреваемых была задержана согласно плану арестов от 7 сентября 1940 г. К 1 октября под следствием находился 51 человек (ещё 19 планировалось задержать), из которых 31 дал признательные показания³¹. Однако работа по сбору материала для конструирования «подполья» началась фактически со дня создания местных органов разведки и контрразведки. Получалось, что «панисламистские» организации существовали с момента укрепления большевиков в Средней Азии. Как значилось в различных документах ВО ОГПУ и НКВД, в 1918–1938 гг. в республиках возникали и «активно действовали» «аналогичные контрреволюционные, панисламистские организации» «Шуруйи исломия»³², «Иттихад-ислам»³³ и «Иттихад-Ва-Тараки»³⁴. В 1918–1921 гг. осуществляла деятельность «националистическая подпольная организация «Иттихад-и миллий/Миллий Иттихад»³⁵, под руководством муфтия Садр ад-дина Шариф Ходжи (1878–1921?)»³⁶.

В записке ВО ОГПУ «О мерах борьбы с мусдуховенством» (октябрь 1926 г.) в числе «антисоветских деяний» мулл Средней Азии значилось: «Агитируя массы на момент объединения на религиозной основе, духовенство тем самым тянет крестьянство к панисламизму и к худшим его проявлениям. Здесь необходимо иметь

²⁷ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ЦА ФСБ России), ф. 2, оп. 1, д. 690, л. 9.

²⁸ По поводу дела о «заговоре руководителей ЦДУМ» см.: Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. С. 172–189.

²⁹ Цит. по: Ислам и советское государство / Под ред. Д.Ю. Арапова и Г.Г. Косача. Вып. 1. М., 2010. С. 50.

³⁰ ЦА ФСБ России, ф. 2, оп. 6, д. 493, л. 1.

³¹ Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 1, д. 702, л. 3.

³² Россия – Средняя Азия. Т. 2. М., 2011. С. 117. Вполне логичное определение давали ей советские наблюдатели: «контрреволюционная националистическая» (ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 4, д. 117, л. 4 об.).

³³ Создан в 1920-х гг. в Японии при поддержке известного сторонника тюркского и мусульманского единства А. Ибрагимова.

³⁴ ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 4, д. 117, л. 3.

³⁵ В аналитических материалах спецхрана значилось: «Организация ставила своей целью консолидацию всех националистических сил» (Там же, л. 6).

³⁶ «Последний составляет письма на имена японского и британского консулов с просьбой помочь организации в борьбе с большевиками»; однако в апреле 1921 г. письма «перехватили» органы ГПУ (Россия – Средняя Азия. Т. 2. С. 119).

в виду, что борьба духовенства против нас руководится и подогревается именно пантюркистски-панисламистической верхушкой националистических организаций, противопоставляющих себя в той или иной форме сов[етской] власти на всех окраинах нашего Союза»³⁷. Очевидно, аналитики «вписывали» все явления противодействия советской модернизации в единую схему борьбы местных элит, придавая ей характер глобальной «контрреволюционной деятельности».

Осложняли положение обвиняемых фактор их происхождения (четверо из «организаторов» были баями) или связи с крупными ишанскими родами (среди «активистов» — двое ишанов и шестеро мулл), поэтому «все панисламистские кадры, так называемые мюриды»³⁸ автоматически находились в первом круге подозреваемых³⁹.

Ишаны в Средней Азии в подавляющем большинстве случаев являлись наиболее консервативной частью религиозной элиты. Ещё в 1927–1928 гг. сотрудники ОГПУ в Казахстане убеждали Москву в необходимости послаблений в вопросе о религиозном обучении «для Кара-Калпакии, Сыр-Дарьи, Семиречья и пограничной полосы Семипалатинского округа»⁴⁰. Причинами «особого» отношения являлись «сильное влияние ишанизма» и непримиримый антисоветский настрой ишанов по отношению к советским реформам⁴¹.

До начала масштабных «чисток» наибольшее беспокойство ВО ОГПУ вызывали регионы «второй группы» (Средняя Азия и Северный Кавказ), где ещё шла «борьба консерваторов и прогрессистов» с преобладанием консервативно настроенных верующих и религиозных лидеров. В этом раскладе на общем среднеазиатском фоне выделялся Казахстан — расценивался наблюдателями как сравнительно модернизированная в плане религии территория, жителям которой была уготована участь волго-уральских мусульман, единоверцев Крыма и Сибири⁴². По мнению сотрудников ВО ОГПУ, Казахстан, Крым и Сибирь отличались, к примеру, от Северного Кавказа доминирующим влиянием мусульманских лидеров прогрессивного (реформистского) крыла: «Организационное закрепление этой победы нашло своё выражение в создании ряда духовных управлений (ЦДУ, БДУ, Крым ДУ) и местных районных мухтасибатов. С этого момента консервативная часть духовенства была сломлена окончательно и в дальнейшем представляла собой только мелкие оппозиционные группы и группочки, особого значения не имеющие (курсив наш. — Авт.)»⁴³. На фоне этого заключения по меньшей мере странно выглядят позднейшие заявления и оценки НКВД, подчёркивавшие многолетнюю «подрывную» деятельность среднеазиатских национально-религиозных лидеров и их сторонников. В целом это свидетельствует о неоднозначности отдельных выводов специалистов спецслужб.

³⁷ Ислам и советское государство (1917–1936): Сборник документов / Сост. Д.Ю. Арапов. Вып. 2. М., 2010. С. 90.

³⁸ Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 1, д. 702, л. 5(20); мюрид — ученик, последователь ишана.

³⁹ В сводках ВО ОГПУ 1920-х гг. по Средней Азии отмечались множественные факты «антисоветской», духовной деятельности религиозных лидеров, и наиболее активными из них были ишаны (цит. по: Ислам и советское государство. Вып. 1. С. 36, 41, 45). Подробнее о позиции государства в отношении ишанов и ишанизма в первой трети XX в. см.: Гусева Ю.Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке. М., 2013; Шихалиев Ш.Ш. Трансформация суфизма в свете религиозной политики и переселений горцев в Дагестане 1930–1990-х гг. // Pax Islamica. 2012. № 3(11). С. 95.

⁴⁰ ЦА ФСБ России, ф. 2, оп. 6, д. 459, л. 144–145.

⁴¹ Ислам и советское государство. Вып. 1. С. 58.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 53.

Проблема «внутреннего панисламизма» в понимании этих аналитиков тесно смыкалась с вопросами внешнего влияния на российскую мусульманскую общину (умму). Строительство мирового мусульманского государства, очевидно, оказалось невозможно без помощи извне. В этом смысле задача разведки была проста: начавшиеся в период сопротивления большевизации региона «эмиграционные волны» из регионов Средней Азии на приграничные территории (так называемое басмачество) не прекращались, а на рубеже 1920—1930-х гг. — во время коллективизации и ужесточения антирелигиозной риторики, — напротив, активизировались⁴⁴. По данным НКВД, к концу 1930-х гг. большое скопление бежавших из Союза «басмачей», баев, мулл, ишанов, мюридов имелось в г. Мазари-Шариф, в кишлаке Кыик-Мазар и других приграничных с Узбекистаном и Таджикистаном афганских селениях. Многие из них без труда перемещались из Самарканда и Термеза в афганские города⁴⁵. Доказать сохранение связей эмигрантских центров с теми, кто остался в Советском Союзе, учитывая исторические связи, слабо охраняемую границу, кочевой характер уклада многих среднеазиатских народов, не представляло особого труда.

Объективно «против» местных мусульман играли и факты, хорошо известные работникам НКВД: в приграничных мусульманских странах (Китай, Афганистан, Иран), государствах Европы (Германия, Франция, Турция) и Азии (Япония) были организованы эмигрантские объединения из представителей национально-религиозной элиты, ставившие своей целью противодействие советскому влиянию. В «Цепи Корана» упомянуты только два центра эмигрантов — бывших участников Адаевского восстания⁴⁶ — «Общество эмигрантов Бухары и Туркестана»⁴⁷ и «Федерация национальных мусульманских общин Средней Азии»⁴⁸, имевших, по данным спецслужб, связи с Ираном и Афганистаном.

⁴⁴ Подробнее об истории эмиграции из Среднеазиатского региона см.: *Абдуллаев К.Н.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). Т. 9. М., 2013. С. 105—115.

⁴⁵ Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 1, д. 702, л. 7. Интересно, что статистические данные о числе эмигрантов из Средней Азии в Афганистане и Восточном Синьцзяне (Китай) сильно разнятся. По данным современных исследователей, в 1930-х гг. на эти территории переместилось от полумиллиона до миллиона человек (*Абдуллаев К.Н.* От Синьцзяна до Хорасана... С. 361; *Койгелдиев М.К.* Сталинизм и репрессии в Казахстане... С. 245—249), а по сведениям, представленным в информационно-аналитическом обзоре 1944 г., только в северных районах Афганистана в начале 1930-х гг. проживали не менее 4 млн человек — мусульман-эмигрантов из СССР (ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 4, д. 107, л. 32). Столь серьёзное расхождение вряд ли можно объяснить статистической погрешностью: мы имеем дело со стремлением властей подчеркнуть весомость фактора внешней «антисоветской» угрозы.

⁴⁶ Адаевское восстание — одно из серии крестьянских выступлений против коллективизации на территории Казахстана в 1929—1931 гг. В 1931 г. восстанием были охвачены Табынский, Уильский, Гурьевский районы тогдашнего Адаевского округа. Всего по делу Адаевского восстания были привлечены 740 человек, из них 559 — арестованы, более 130 — приговорены к высшей мере наказания; практически их всех впоследствии реабилитировали.

⁴⁷ Эта организация имела легальный центр в Дели, издавала журнал «Голос эмигранта»; её филиалы функционировали в Бомбее и Стамбуле, Мекке и Берлине, Дамаске, Париже, Кабуле.

⁴⁸ Организация была оформлена в нелегальных условиях в августе 1921 г. в Туркестане представителями местных мусульманских народов при активном участии башкирского национального деятеля Ахмет-Закки Валидова, первого председателя центрального комитета организации. Цель организации — борьба за независимость Туркестана и объединение тюркских народов в единое государство. С 1923 г. её деятельность протекала за рубежом. Структура получала финансовую помощь и организационную поддержку со стороны польской, германской и французской разведок. Печатными органами ТМБ являлись журналы «Новый Туркестан» и «Молодой Туркестан», издававшиеся в разное время в Стамбуле, Париже и Берлине. Эта организация перестала существовать

На фоне длительного противодействия советизации региона в 1920-х гг. в сознании наблюдателей «басмачество» де-факто не исчезало, а лишь видоизменялось: «Вся вышибленная из пределов советской Средней Азии за годы Гражданской войны контрреволюционная свора нашла свой приют на этой территории, заразив местное население идеями религиозного и политического объединения мусульман»⁴⁹. Далее следовал вывод о том, что Афганистан превратился в центр агитации за «священную войну против неверных», в «очаг своих контрреволюционных интриг против Советского Союза»⁵⁰.

Итак, фактор внешнего влияния — заинтересованности разведок различных государств в установлении своего влияния на приграничных территориях, в том числе путём воздействия на тюрко-мусульманскую эмиграцию, — оспаривать нельзя⁵¹. Но удивительно, как разнообразно выглядело зарубежное вмешательство — явно коррелировало с колебаниями советского внешнеполитического курса. В деле нет упоминания о «немецкой угрозе», хотя современные исследования ясно указывают на активизацию немецкой и японской разведок в Афганистане на рубеже 1930—1940-х гг.⁵² Идеи же создания единого мусульманского государства в мировом масштабе были тогда неактуальны, а халифатизм, популярный в разных частях исламского мира в 1920-х гг., канул в лету.

Дело № 035 закончилось трагически для большинства подозреваемых: они были арестованы и привлечены к суду, а 12 наиболее активных членов организации из Казахстана расстреляны⁵³. «Цепь Корана» — это последнее по хронологии из известных современным исследователям крупное дело о репрессиях мусульманской элиты в пределах СССР⁵⁴. Однако неясно, почему оно возникло не в 1930-х гг., ведь репрессии в среднеазиатских республиках вполне «укладывались» в общую для всей страны схему поиска и нейтрализации «внутреннего врага».

Анализируя принципиальные установки работников органов госбезопасности по «восточному» вопросу, необходимо признать наличие дифференцированного подхода к мусульманам различных регионов страны: учитывались фактор их готовности к секуляризации, связи с относительно модернизированными «мусульманскими» территориями Волго-Урала и ЦДУМ как идейно-организационным центром советских верующих.

ориентировочно в 1942 г. (*Абдуллаев К.Н.* От Синьцзяна до Хорасана... С. 137, 241; *Исхаков С.М.* Ахмед-Закки Валидов: новейшая литература и факты его политической биографии // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 147—159). Благодарим за консультацию проф. А.С. Эркинова.

⁴⁹ ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 4, д. 107, л. 32.

⁵⁰ Там же, л. 33.

⁵¹ Справедливости ради отметим, что советские разведчики фактически обвиняли зарубежных коллег в том, к чему были причастны сами: «ОГПУ пытался внедрить своих агентов в каждый значительный басмаческий отряд для того, чтобы влиять на настроения и физически устранять лидеров. Для этой цели они зачастую использовали эмигрантов» (*Абдуллаев К.Н.* От Синьцзяна до Хорасана... С. 343).

⁵² *Абдуллаев К.Н.* От Синьцзяна до Хорасана... С. 343.

⁵³ Все обвинялись, согласно ст. 58 и 11 УК РСФСР. Большинство фигурантов дела уже были судимы в 1929—1931 гг. за «антисоветскую агитацию и деятельность».

⁵⁴ По количеству обвиняемых оно сопоставимо с репрессиями в Татарской АССР в 1937—1938 гг. См. данные, содержащиеся в работах о преследовании мусульман в Татарии (*Миннуллин И.Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане...), Горьковской (Нижегородской) и Куйбышевской (Самарской) областях (*Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н.* Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей). М.; Н. Новгород, 2013), Дагестане (*Сулаев И.Х.* Государство и мусульманское духовенство в Дагестане...).

Дела «О заговоре руководителей ЦДУМ» (1936–1938), «Идель-Урал» (1937–1938)⁵⁵, «Цепь Корана», как и процессы над «врагами народа» в среднеазиатских республиках 1930-х гг., затрагивали светскую и религиозно-национальную мусульманскую элиты РСФСР, Волго-Уральского региона и Средней Азии. Веским аргументом становилась причастность к одному делу в пользу участия в другом. Вероятно, поэтому шло постепенное раскручивание маховика репрессий на окраинах СССР: степень давления на мусульман «внутренней» России и Средней Азии, Северного Кавказа была неодинаковой, силовые меры сначала (1937–1938) апробировались на более модернизированных регионах.

Следует учесть и особый интерес контрразведки к материалам, которые можно было «развернуть» в «красивое» дело⁵⁶. Благодаря волго-уральским «антисоветским» материалам аналитики смогли обстоятельно «доказать» к 1940 г. все свои предположения и подтвердить свидетельства агентов. Именно таким «красивым» и стало дело «Цепь Корана», вобравшее в себя все наработки, сделанные чекистами в предыдущие периоды на просторах Советского Союза⁵⁷.

Эффект умолчания, в свою очередь, мог быть связан с ситуацией предвоенного периода: видимо, работники НКВД не успели довести дело до конца (было 242 подозреваемых, а арестовано только 70) и потому не направили документы в центр.

Факт наличия связей с ЦДУМ стал ещё одним, дополнительным, аргументом в пользу доказательства мнимой панисламистской опасности. Относительность и гипертрофированность оценок «мусульманской» угрозы в форме «панисламизма» вкупе с размытостью самого термина сыграли роковую роль в жизни российской уммы. Звеньями «Цепи Корана» стали все «призраки прошлого» — «русское колонизаторство», «басмачество» и так или иначе связанные с ними люди. При этом вряд ли кто-то из сотрудников НКВД сомневался в наличии призывов противодействовавших большевизации региона прорелигиозно настроенных групп и духовных лидеров в духе «изгнать неверных, восстановить мусульманские государства под главенством одного халифа и образовать Средне-Азиатский халифат»⁵⁸, а также финансовой и организационной поддержки эмигрантских организаций со стороны европейских держав и Японии. Тем не менее реальных оснований для осуществления подобного не было ни у одной из социальных и национальных групп, а надуманность «басмаческого подполья» стала очевидной уже в годы Великой Отечественной войны, когда «регион Средней Азии, включая Иран и Афганистан, был в целом надёжным тылом СССР»⁵⁹. И наконец, 27 августа 1959 г. все участники дела № 035 были реабилитированы с формулировкой: «За отсутствием состава преступления».

Очевидно, что контрразведчики использовали фактор внешнего влияния и смутной универсалистской идеи исламского единства для устрашения управленческой элиты и решения ряда внутривластных задач. В этом смысле дело «Цепь Корана» не оригинально. Оно уникально по масштабу и подготовленности — проект вполне мог быть задуман в Москве и по-своему «красиво» реализован на месте.

⁵⁵ Миннуллин И.Р. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане... С. 137.

⁵⁶ Тепляков А.Г. «Отработанный материал»: массовая ликвидация секретной агентуры советских спецслужб в 1920–1930-е гг. // Российская история. 2013. № 4. С. 115.

⁵⁷ В деле не «засветились» только материалы Крыма и Кавказа.

⁵⁸ ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 4, д. 117, л. 6 об.

⁵⁹ Абдуллаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана... С. 266–267.